

Лекция пятая¹

Х. Арендт

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Я сказала, что хотела бы показать совпадения и различия позиции Канта, которую он как философ занимает по отношению к области человеческих дел, с позицией других философов, прежде всего Платона. Пока же давайте ограничимся следующим важнейшим моментом: позицией философов по отношению к самой жизни, какой она дана человеку на Земле. Если вы вспомните «Федон» и обоснование в нем того, что философ в определенной мере любит смерть, то вы вспомните, что Платон, хотя он и презирает радости тела, не жалуется, что страдания перевешивают удовольствия. Решающим здесь является скорее то, что удовольствия, как и страдания, отвлекают ум и ведут его в ложном направлении, что тело — это обуза, если ты занят поисками истины, потому что истина, бестелесная и недоступная чувственному восприятию, может быть воспринята лишь при помощи глаз души, которые, в свою очередь, бестелесны и недоступны чувственному восприятию. Другими словами: истинное познание доступно лишь уму, не обремененному чувствами.

Это не может быть точкой зрения Канта, так как для его теоретической философии характерна зависимость любого познания от слаженности и взаимодействия чувственности и рассудка, а его «Критика чистого разума» по праву может быть названа оправданием, если не прославлением, чувственности. Даже в юности — когда он, находясь под влиянием традиционной философии, высказывал платоновскую враждебность к телу (он жаловался, что тело сдерживает «быстроту мыслей» [Hurtigkeit des Gedankens] и тем самым ограничивает ум и создает ему помехи²) — он не утверждал, что тело и чувства являются главными источниками заблуждения и зла.

На практике это имеет два важных следствия. Во-первых, для Канта: философ объясняет тем самым данные опыта, которые мы все имеем. Кант не утверждает ни того, что философ может покинуть платоновскую пещеру или участвовать в парменидовском восхождении на небо, ни того, что философ должен стать членом секты. Для Канта философ остается человеком, таким же как ты и я, который живет в окружении обычных людей, а не своих единомышленников-философов. Во-вторых, оценка жизни относительно удовольствия и неудовольствия — которую Платон и другие считали задачей одних лишь философов, указывая при этом на то,

что многие вполне довольны жизнью, какова она есть, — по утверждению Канта, может ожидать от любого обычного человека, наделенного здравым рассудком, и того, кто вообще когда-либо задумывался о жизни.

Оба эти следствия, в свою очередь, есть очевидно не что иное, как две стороны одной монеты, имя которой — равенство. Рассмотрим три известных места из сочинений Канта. Два первых — из «Критики чистого разума» — представляют собой ответы на критические замечания:

Но неужели вы требуете, чтобы знание, касающееся всех людей, превосходило силы обыденного рассудка и открывалось вам только философами? Именно то, что вы порицаете, служит лучшим подтверждением правильности высказанных выше положений, так как теперь обнаруживается то, чего нельзя было предвидеть вначале, а именно что в вопросе, касающемся всех людей без различия, природу нельзя обвинять в пристрастном распределении своих даров, и в отношении существенных целей челове-

¹ Продолжение, начало см. в Кантовском сборнике 2009. 1(29). С. 122–128; 2009. 2(30). С. 126–132; 2010. 1(31). С. 112–117 и 2010. 2(32). С. 109–113.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy/* edited and with an interpretative essay by Ronald Beiner. Chicago, 1982 — и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie/* Herausgegeben und mit einem Essay von Ronald Beiner. Aus dem Amerikanischem von Ursula Ludz. München, 1985.

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

² Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Собр. соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 1. С. 251.

ской природы высшая философия может вести не иначе, как путем, предначертанным природой также и самому обыденному рассудку³.

Вместе с этим пассажем рассмотрите и самый последний абзац «Критики чистого разума»:

Открытым остается только *критический* путь. Если читатель благосклонно и терпеливо прошел этот путь в моем обществе, то он может теперь судить, нельзя ли, если ему угодно будет оказать также свое содействие, превратить эту тропинку в столбовую дорогу и еще до конца настоящего столетия достигнуть того, чего не могли осуществить многие века, а именно доставить полное удовлетворение человеческому разуму в вопросах, всегда возбуждавших жажду знания, но до сих пор занимавших его безуспешно⁴.

Третье место, которое часто цитируют, автобиографично:

Сам я по своей склонности исследователь. Я испытываю огромную жажду познания, неутолимое беспокойное стремление двигаться вперед или удовлетворение от каждого достигнутого успеха. Было время, когда я думал, что все это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знающую. Руссо исправил меня. Указанное ослепляющее превосходство исчезает; я учусь уважать людей и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассуждение может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества⁵.

Философствование, или разумное мышление, выходящее за пределы того, что вообще можно познать, за границы человеческого познания, является для Канта общей человеческой «потребностью» — потребностью в разуме как человеческой способности. Она не противопоставляет немногих многим. (Если у Канта и существует четкое разграничение между немногими и многими, то речь при этом идет скорее о нравственности: «больное место» человеческого рода — ложь, которая трактуется как своего рода самообман. «Немногие» — это те, кто честны по отношению к самим себе.) Однако с исчезновением этого векового различия произошло нечто примечательное. Стремление философа к занятию политикой утеряно; у него нет больше особого интереса к политике; отсутствует своекорыстие, а поэтому и нет притязания на власть или такие законы, которые бы защитили философов от притязаний многих. Кант согласен не с Платоном, а с Аристотелем, согласно которому не философы должны править, а правители должны быть готовы слушаться философов⁶. С другой стороны, он не согласен с точкой зрения Аристотеля, в соответствии с которой философский образ жизни является высшим, а политический образ жизни в конечном итоге существует ради «*bios theōrētikos*». С отказом от этой иерархии, и тем самым с отказом от всех иерархических структур, полностью исчезает древнее напряжение между философией и политикой. В результате политика и необходимость писать какую-либо политическую философию, «наводить порядок в сумасшедшем доме», прекращает быть для философов неотложным делом. Политика, словами Эрика Вайля [Eric Weil], больше не есть «une préoccupation pour les philosophes; elle devient, ensemble avec l'histoire, problème philosophique» (она больше не является «исключительно источником беспокойства для философов; она скорее — вместе с историей — настоящая философская проблема».)⁷

Кроме того, когда Кант говорит о бремене, которое, как кажется, лежит на самой жизни, он указывает на удивительную природу удовольствия, о которой в другом контексте рассуждает и Платон; а именно на тот факт, что любое удовольствие изгоняет неудовольствие, что жизнь, которой известны лишь радости, в действительности не знала бы всех удовольствий — человек был бы не способен их почувствовать или наслаждаться ими — и что, поэтому, совершенно чистое благополучие, не омрачаемое ни воспоминаниями о нужде, которая ему предшествовала, ни страхом потери, которая обязательно за ним последует, не существует. Счастье как устойчивое и постоянное состояние души и тела для людей немислимо на Земле. Чем больше [испытываемый] недостаток [в чем-либо] и чем больше неудовольствие, тем интенсивнее будет удовольствие. Здесь есть лишь одно исключение — это удовольствие, которое мы ощущаем, когда соприкасаемся с красотой. Это удовольствие Кант называет, сознательно выбирая для этого другое слово, «благоволением, лишенным интереса». Позднее мы увидим, какую важную роль играет это слово в той политической философии, которую Кант никогда не написал. Он сам делает соответствующий намек, когда в «Размышлениях» (работа была издана посмертно) пишет: «Существование прекрасных вещей свидетельствует о том, что человек находится в гармонии с миром и сам согласует свое созерцание вещей с законами своего созерцания» [Die schönen Dinge zeigen an, dass der Mensch in die Welt passe und selbst seine Anschauung der Dinge mit den Gesetzen seiner Anschauung stimme]⁸.

³ Кант И. Критика чистого разума. В 859. Канон чистого разума. Разд. 3: О мнении, знании и вере // Собр. соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 678.

⁴ Кант И. Критика чистого разума. Трансцендентальное учение о методе. Гл. 4. В 884. Канон чистого разума. История чистого разума // Там же. С. 694.

⁵ Кант И. Приложение к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» // Там же. Т. 2. С. 204.

⁶ Aristotle's epistle to Alexander, "Concerning Kingship" // Barker E. The Politics of Aristotle. Oxford, 1958. P. 386.

⁷ Weil E. Kant et le problème de la politique // La philosophie politique de Kant. Paris, 1962. S. 32 (Ann.2).

⁸ Kant I. Reflexionen zur Logik, Nr. 1820 a [AA, Bd. 16, S. 127].

Представим на миг, что Кант написал бы теодицею, богооправдание Творца перед судом разума. Мы знаем, что он этого не сделал; напротив, он написал трактат «О неудаче всех философских попыток теодицеи» и доказал в «Критике чистого разума» невозможность любого доказательства бытия Бога (он перенял позицию Иова: пути Господни неисповедимы). Таким образом, если бы он и написал какую-либо теодицею, то факт красоты вещей в мире играл бы в ней важную роль — настолько же значимую, как и знаменитый «моральный закон во мне», т.е. факт человеческого достоинства. (Теодицеи основываются на аргументе, что если мы взглянем *на целое*, то увидим, что единичное, по отношению к которому выражается недовольство, является неотъемлемой частью этого целого и как таковое оправданно в своем существовании.) В одной из своих ранних работ [1759] об оптимизме Кант разделял похожую точку зрения: «...целое есть наилучшее и... все хорошо ради целого»⁹. Я сомневаюсь, что позднее он был бы способен написать бы нечто подобное написанному в этой работе: «Я восклицаю всякому творенью... Да здравствуем же мы, мы есть! [Heil uns, wir sind]». Но это восхваление — восхваление «целого», т.е. мира; в юности Кант был еще готов принять жизнь лишь благодаря одному факту своего существования в мире.) Это является также причиной, почему он с такой необычной горячностью критикует «мудрец[ов] (или философ[ов])», которые «изошрялись в дурных, порой отвратительных сравнениях» «с целью опорочить наш земной мир, пристанище людского рода»¹⁰. Его [земной мир] сравнивали:

С *почлежным домом* (караван-сараем), вроде того дервиша, который рассматривал человека на его жизненном пути как случайного постояльца, вынужденного вскоре уступить свое место другому; с *исправительным домом*... с местом исправления и очищения падших, исторгнутых с небес духов... с *сумасшедшим домом*... с *клоакой*, куда спускаются нечистоты из других миров... отхожее место для всей Вселенной¹¹.

Итак, давайте теперь придерживаться следующей идеи. Мир прекрасен и потому является подходящим местом для жизни человека, но ни один отдельно взятый человек не захотел бы прожить свою жизнь еще раз. Человек, как существо моральное, есть цель сама по себе, однако человеческий род подчинен прогрессу, что, естественно, тем или иным образом вступает в противоречие с представлением о человеке как о моральном и разумном творении и как цели самой по себе.

Если я права в том, что у Канта существует политическая философия и что, в отличие от других философов, он никогда так и не написал ее, то кажется вполне очевидным, что мы должны быть в состоянии найти ее во всей его системе, если мы вообще ее можем найти, а не только в тех немногих трактатах, которые обычно под этим названием издаются. Если бы его основные труды, с одной стороны, вообще не содержали бы никаких политических импликаций и если бы, с другой стороны, периферийные тексты, обсуждающие политические вопросы, содержали бы лишь периферийные, с его собственно философским творчеством не связанные мысли, то наша постановка вопроса была бы бессмысленной и, в лучшем случае, выражением антикварного интереса. Было бы прегрешением против самого кантовского духа заниматься этим, потому что страсть к учености не была присуща Канту. Так, в «Размышлениях [об антропологии]» [Reflexionen zur Anthropologie], он пишет: «Я не буду... превращать свою голову в пергамент, чтобы нацарапать на нем старые полуистлевшие сведения из архивов» [«Ich werde... meinen Kopf nicht zu einem Pergament machen, um alte halbverloschene Nachrichten aus Archiven darauf nachzukritzeln»]¹².

Давайте начнем с того, что вряд ли кого-либо удивит сегодня, но что тем не менее имеет смысл рассмотреть. Ни до, ни после Канта, никто, за исключением Сартра, не написал столь знаменитой философской работы, которая называлась бы «Критикой». Мы знаем слишком мало или слишком много о том, почему Кант выбрал это непривычное и какое-то надменное название, которое звучит так, как будто он не хотел ничего иного, кроме как подвергнуть критике всех своих предшественников. Без сомнения, он вкладывал в это название более широкое смысловое значение, но и негативный смысл также играл у него определенную роль. «Вся философия чистого разума направлена исключительно на эту негативную пользу»¹³, а именно: сделать разум «чистым», обеспечить, чтобы никакой опыт, никакое чувство, не могли бы проникнуть в разум. Слово [критика] могло придти ему на ум благодаря «эпохе критицизма», т.е. Просвещения, и он замечает, что оно «чисто негативное», «которое и составляет собственно просвещение»¹⁴. В этом контексте просвещение означает процесс очищения, освобождение от предрассудков и авторитетов:

⁹ Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Собр. соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 47.

¹⁰ Кант И. Конец всего сущего // Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 209–210.

¹¹ Там же.

¹² Kant I. Reflexionen zur Anthropologie, Nr. 890 [AA, Bd. 15, S. 388].

¹³ Jaspers K. Kant. Leben, Werk, Wirkung (Serie Piper, 124). München, 1975. S. 137. Это высказывание Канта цитируется не вполне точно и без указания на источник. Ср.: Кант И. Критика чистого разума, В 823 // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 581.

¹⁴ Кант И. Критика способности суждения. §40, Прим. // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 5. С. 135.

Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. Религия на основе своей святости и законодательство на основе ее величия хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым исследованием¹⁵.

Результатом этой критики является *Selbstdenken*¹⁶, т.е. «[умение] пользоваться своим собственным умом». Пользуясь своим собственным умом, Кант открыл «скандал разума», т.е. то, что не только традиция и авторитеты ведут нас в ложном направлении, но и сама способность разума. Поэтому «критика» означает попытку открыть «источники и границы» разума. Кант, таким образом, полагал, что его критика выступает всего лишь «пропедевтикой к системе» и «критика» противопоставляется здесь «доктрине». Кант, по всей вероятности, верил в следующее: то, что в традиционной метафизике было неправильным, не было само по себе «доктриной». Таким образом, «критика» означает «набросать архитектурически, т.е. основанный на принципах, полный план с ручательством за полноту и надежность всех частей этого здания»¹⁷. Как таковая критика сделает возможным дать оценку всем остальным философским системам. Это тоже связано с духом XVIII века, с его огромным интересом к эстетике, искусству и критике искусства, целью которых было установить правила для вкуса и нормы в искусствах.

И, наконец, самое важное: слово «критика» находится в двоякой оппозиции — к догматической метафизике, с одной стороны, и к скептицизму — с другой. Ответ в обоих случаях: критическое мышление. Да не погибнет ни одна из этих альтернатив! Как таковое критическое мышление — это новый путь мышления, а не только подготовка к новой доктрине. Следовательно, дело обстоит совсем не так, как если бы за кажущимся негативным предприятием критики могло бы следовать кажущееся позитивное построение системы. Это и есть то, что произошло в действительности; но, с кантовской точки зрения, это был лишь другой догматизм. (Кант не был в этом пункте никогда полностью ясным и недвусмысленным; если бы он знал, до какого рода упражнений в чистой спекуляции его «Критика» открывает дорогу Фихте, Шеллингу и Гегелю, то, возможно, он выразался бы немного яснее.) Сама философия, согласно Канту, стала критической в эпоху критицизма и Просвещения — в эпоху, когда человек достиг зрелости.

Большой ошибкой было бы полагать, что критическое мышление находится где-нибудь между догматизмом и скептицизмом. Критицизм — скорее путь, который позволяет избежать этой альтернативы. (Говоря биографически: это путь Канта, чтобы преодолеть как старые метафизические школы — Вольфа и Лейбница, так и новый скептицизм Юма, который пробудил его из догматического сна.) Все мы тем или иным образом начинаем как догматики. Мы либо догматичны в философии, либо решаем все проблемы, опираясь на веру в догмы церкви, в откровение. Наша первая реакция против этого, вызванная неизбежным опытом многих догм, утверждающих, что они владеют истиной, — скептицизм: вывод, что ничего подобного истине не существует, что поэтому я могу либо произвольно выбрать догматическое учение (произвольно с точки зрения истины, т.е. мой выбор может просто определяться посредством различных интересов и быть совершенно прагматичным), либо просто пожать плечами по поводу столь безнадежного предприятия. Настоящий скептик, один из тех, кто утверждает: «Истины не существует», — незамедлительно получит ответ догматика: «Но в этом твоём утверждении скрывается то, что ты все-таки веришь в истину; ты требуешь истинности для своего утверждения, что истины не существует». Кажется, его аргумент одержал победу. Но лишь в этом, первом раунде. Скептик может ответить: «Это чистой воды софистика. Ты отлично знаешь, что имеется в виду, но я не могу это выразить в словах без явного противоречия». На это догматик скажет: «Видишь? Даже язык против тебя». А так как догматик обычно весьма агрессивный собеседник, он будет продолжать и спросит: «Поскольку ты довольно умен, чтобы распознать противоречие, я должен сделать вывод, что у тебя есть интерес разрушить истину; ты — нигилист». Критическая позиция обращается против обоих. Она располагает к себе своей скромностью. Она могла бы сказать: «Возможно, люди и обладают понятием, идеей истины для того, чтобы регулировать свои умственные процессы, но, как конечные существа, к истине неспособны (сократовское: ни один человек не мудр). В то же время они совершенно в состоянии исследовать человеческие способности, какими они нам даны (мы не знаем, кем и как, но мы должны с ними жить). Давайте же проанализируем, что мы можем знать и что мы знать не можем!». Именно поэтому книга Канта носит название «Критики чистого разума».

Перевод с английского А. Н. Саликова

¹⁵ Кант И. Критика чистого разума [А XI Прим.] // Там же. Т. 3. С. 11.

¹⁶ Самостоятельное мышление (нем.).

¹⁷ Кант И. Критика чистого разума [В 27] // Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 57.

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Института Канта РГУ им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr. Alexei Salikov, Senior researcher of Kant-Institute, Immanuel Kant State University of Russia, salikov123@mail.ru